

Л. ГАВЛИКОВА

ТРАНСФОРМАЦИЯ, РЕЦЕПЦИЯ И АДАПТАЦИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В СЛАВЯНСКОЙ СРЕДЕ

Предметом систематических историографических исследований становятся в последнее время не только вопросы, относящиеся к изучению византийских институтов, на передний план выходят и проблемы возникновения и генезиса институтов и их обозначений в славянской среде. Это касается, в частности, процесса, в котором наряду с местными славянскими элементами имело место не только воздействие византийской (латинской, греческой) и западноримской (латинской) терминологии и соответственно светских и церковных организаций, но и проникновение политико-административных структур, присущих строю кочевых народностей, таких, как протоболгары, моравы, хорваты, русы, а также влияние Ближнего и Среднего Востока. Систематическое исследование терминологии обусловлено и тесно связано как с рассмотрением генезиса феодализма в Византии и у славян, так и с изучением возникновения ранних средневековых славянских народностей и государств, так как одновременно со складыванием государства у славянских этносов и их формированием как самостоятельных политических и культурных общностей проходило и выкристаллизовывание государственных политико-организационных институтов — неотъемлемая составная часть и созидательный элемент процесса возникновения каждого государства.

Целью этой работы будет сопоставление терминологии и судебной практики византийского правового порядка в военном деле по законодательному сборнику Эклоге (726) с судебными порядками и терминологией в славянской среде на основании «Закона судного людем» (далее: ЗСЛ). Последний, как известно, был составлен на основе некоторых постановлений византийской Эклоги, переведенных на старославянский язык, дополненных и приспособленных к славянской среде.

Большинство исследователей¹, занимающихся проблематикой ЗСЛ главным образом с юридической и филологической точек зрения, заклю-

¹ *Vašica J.* Origine cyrillo-méthodienne du plus ancien code slave dit «Zakon sudnýj ljudem» // BS. 1951. T. 12. P. 154—174; *Idem.* Jazyková povaha Zakona sudného ljudem // Slavia. 1958. T. 27. S. 524—537; *Idem.* K otázce pôvodu Zakona sudného ljudem // Slavia. 1961. P. 30. S. 1—19; *Idem.* Právní odkaz cyrilo-metodějský // Slavia. 1963. T. 32. S. 331—339 etc.; *Procházka V.* Deset poznámek ke Ganevovu výkladu krátké redakce Zakona sudného ljudem // Právněhistorické studie. 1963. T. 9. S. 302—317; *Idem.* Tři marné pokusy o prokázání bulharského a makedonského pôvodu Zakona sudného ljudem // Slavia. 1964. T. 33. S. 262—267; *Idem.* Le Zakonъ sudnyj ljudьmъ et la Grande Moravie // BS. 1967. T. 28. P. 359—375; BS. 1968. T. 29. P. 112—150 etc.; *Haderka K.* Úvod k ZSL // MMFH. Brno. 1971. T. IV. P. 147—198; Παπαδάκης Χ. Τὸ νομοθετικὸν ἔργον τῆς κυριλλομεθοδιστῆς ἱεραποστολῆς ἐν Μεγάλῃ Μοραβίᾳ Θεσσαλονίκῃ, 1978; *Zástěrová B.* Über zwei grossmährische Rechtsdenkmäler byzantinischen Ursprungs // Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.—11 Jahrhundert. Pr., 1978. S. 361—385; *Eadem.* Au sujet rayonnement du droit byzantin en Grande Moravie // XVI Internationaler Byzantinistenkongress. Akten. Wien, 1982. II.2. P. 313—319; *Zástěrová B., Vavřínek V.* Byzantium's Role in the Formation of Great

чают, что он возник в моравской среде (в отличие от болгарских исследователей М. Андреева, В. Ганева и Ф. Милковой², считающих его памятником болгарского происхождения, в то время как С. В. Троицкий³ полагает, что ЗСЛ был подготовлен в Македонии, в клисуре Стрымон, а Г. Ф. Шмид⁴ допускает его паннонское происхождение). Возникновение и составление ЗСЛ в Великой Моравии подтверждается его сравнением как с другими юридическими памятниками великоморавской эпохи, так и с памятниками литературного агнографического и биографического характера, например, с житиями (*Vita Constantini-Cyrylli, Vita Methodii*) или с *Responsa Nicolai* парав. Но задачей данной работы является не занятие формальными литературно-культурными штудиями, которые очень часто влияют на взгляды многих исследователей, а рассмотрение конкретно-исторических аспектов, связанных с изучаемыми вопросами, которые представляют собой в совокупности ключевую проблему в комплексном научном исследовании славянских юридических памятников⁵.

Во-первых, обратим внимание на структуру Эклоги и ЗСЛ, и прежде всего на включение или, лучше сказать, последовательность отдельных параграфов, касающихся военного дела, в структуре обоих кодексов. Следует отметить, что предметом исследования будут только четыре закона, которые включены в ЗСЛ из Эклоги, несмотря на то что она содержит намного больше статей о военных правовых нормах в Византии (например, вопросы, связанные с военным имуществом, наследством и т. п.)⁶. Приведенные военные законы сохраняют в Эклоге следующую последовательность: 1. Покупка пленных (VIII.2), 2. Вероотступничество пленных (XVII.6), 3. Кража на войне (XVII.10), 4. О военной добыче (XVIII.1). В ЗСЛ встречаемся с несколько другим порядком статей: 1. О военной добыче (3), 2. Покупка пленных (19), 3. Вероотступничество пленных (21), 4. Кража на войне (24). Несмотря на то что в обоих юридических памятниках последовательность законов разная, необходимо помнить, что она обоснована общей (хотя и с некоторыми отличиями) концепцией правовых сводов — для ЗСЛ из иконоборческой Эклоги были преднамеренно выбраны те постановления, которые отвечали реалиям и правовым требованиям Великоморавского государства. На их составление, по всей вероятности, оказал влияние раннехристианский церковный сборник *Léx Dei seu Mosaicarum et Romanorum legum collectio*⁷. Необходимо учитывать расчленение Эклоги и иметь в виду, что не всегда в славянском памятнике (ЗСЛ) происходит только трансформация и рецепция византийской правовой терминологии. Поэтому следует обратить должное внимание на вопрос адаптации оригинальных греческих терминов в славянской среде, а в некоторых случаях и на их новое значение.

Первый рассматриваемый закон касается покупки пленного и возможности его выкупа и освобождения (E. VIII.2; ЗСЛ. 19)⁸. Оба кодекса сообщают о возможности покупки военнопленного у иностранцев, у вра-

Moravian Culture // BS. 1982. T. 43. P. 161—188. К вопросу возникновения ЗСЛ см. также: ММФН. Врно, 1971. IV. P. 147—177 (здесь приведена литература).

² Андреев М. Към въпроса за произхода същността на Законъ судный людъмъ // Годишник на Софийския университет. Юридически факултет. 1957. Т. 49. С. 1—60; Он же. Законъ судный людъмъ — старобългарски правен паметник // Правна мисъл. 1958. Т. 2. Кн. 1. С. 13—27; Он же. Къде е бил създаден Законъ судный людъмъ // Славянска филология. С., 1963. Т. 5. С. 113—136 и след; Ганев В. Законъ судный людъмъ. С., 1959; Милкова Ф. Законът за съдене на хората — старобългарски паметник // Второй мед. конгресс по българистика. С., 1986.

³ Троицкий С. В. Святой Мефодий как славянский законодатель // Богословские труды. М., 1961. Сб. 2. С. 85—123.

⁴ Schmid H. F. Pénitentiels byzantins et occidentaux // Actes du VIe Congrès International d'Etudes Byzantines. P., 1950. T. 1. P. 359—363.

⁵ Щанов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси (Кормчие книги в XI—XIV вв.): Автореф. дис. . . д-ра ист. наук. М., 1975.

⁶ *Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos' V* / Hrsg. L. Burgmann. Frankfurt a. M., 1983. S. 220—221. XVI (Далее: E.).

⁷ ММФН. IV. P. 154.

⁸ E. S. 202—203, VIII.2; Законъ судnyi ljudъамъ (ZSL) // ММФН. IV. P. 190, 19.

жеских солдат (ἐκ τῶν ἐχθρῶν, от εἰτρανανζιχъ). Эклога дает пленному более подробную характеристику: в ней говорится о пленных, которые ранее быливольными, свободными (ἐλεύθερος αἰκμάλωτος). В ЗСЛ для пленных имеется термин плѣнник. В Эклоге узаконена возможность сделаться свободными (ἀπολύεσθαι ἐλεύθερος) за единовременно выплаченную сумму или же за ее постепенную отработку только для ранее свободных людей. Хотя могло бы показаться, что при сохранении этого правила мог выкупиться (ἀδεύετα σκωδά) каждый военнопленный, а по ЗЛС даже тот, кто раньше был не свободным человеком, рабом, это предположение следует исключить, поскольку термин (σκωδάτῃни, σκωδάтник) обозначает политическую, а не экономическую свободу. Только хозяин мог отпустить раба, и он не мог выкупиться, как тот свободный человек, который потерял свободу, попав в плен. В случае, когда у пленного не было той суммы, которую за него заплатил покупатель, и он не мог сразу же выкупиться, он был обязан эту сумму, т. е. свою стоимость (цѣна), отработать самостоятельно за плату (μισθός, мзда) в качестве наемного работника — мистия (μισθῖος, мздник). Как мы видим, греческим терминам отвечают адекватные славянские термины. Однако ЗСЛ по сравнению с Эклогой назначают и годовую сумму оплаты: три стязы (ἑστλαзѣ; стяз — лат. solidus = греч. νόμισμα)⁹, и расценивает работу пленного дороже, чем новелла 100 Льва VI Мудрого (886—912); mercede quotannis binis solidis aestimanda¹⁰. Термин «мзда» в двух случаях встречается и в Номоканоне: на мзда (Index L titulorum XI) и мздаю (Syntagma L titulorum XI). Перевод греческого ἀποκαθίστων αὐτόν как κλάστρον него у некоторых исследователей вел к ошибочному заключению, что пленный был куплен со всеми военными доспехами¹¹.

Другой интересный раздел Эклоги касается обмена военнопленными между Византией и Арабским халифатом в IX в.¹² В нем содержится статья, отвечающая на вопрос, какая юрисдикция касается тех, которые в плену перешли в веру врага. Взятые в плен византийские воины (οἱ ὑπὸ τῶν πολεμίων χειρωθέντες), которые в арабском плену отказались от христианства (τῆν ἀνόμητον ἡμῶν τῶν χριστιανῶν πίστιν ἀπαρνησάμενοι), но были выкуплены византийцами во время обмена военнопленными, после возвращения домой не подчинялись, как говорится в Эклоге (XVII.6)¹³, юрисдикции военного или светского суда, но попадали под церковный суд (τῆ ἐκκλησίᾳ παραπέσθωσαν). Таким образом, в христианском мире существовала такая же практика, как и в арабском (мусульманском)¹⁴. ЗСЛ заимствует из Эклоги формулировку этой статьи, поскольку это отвечало задаче правовой охраны новой веры, новой идеологии в сравнительно недавно христианизированном славянском Великоморавском государстве. В ЗСЛ также говорится о том, что пленный передавался церковному суду (ἀδε кз (цѣ)рк(з)кз предмѣтѣ), только греческое ἐν τῆ πολιτεία заменено более широким славянским выражением кз скою землю и градъ, причем термин градъ, также как греч. πολιτεία, имеет значение «ius civitatis, civilitatis»¹⁵. Термин градъ (civitas) обозначает не только укрепленный центр с ремесленным производством и торговлей, но также центр с военно-административными, фискальными и судебными функциями¹⁶. Выражению кз скою землю и градъ соответствуют и термины кз инсии области, т. е. в другой административной области. Термин приведен в «запскѣдаѣ скатычъ отѣца (I)»¹⁷,

⁹ Суворов Н. С. Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права. Ярославль, 1888.

¹⁰ Троицкий С. В. Святой Мефодий. С. 85—123.

¹¹ MMFH. IV. P. 190; Ганев В. Законъ судный людѣмъ. С. 486 и след.

¹² Havlíková L. Byzanc a arabský kalifát v 9 století // Studia Balkanica Bohemoslovaca Brno, 1986/7. II. Чс. 63—70.

¹³ E. S. 228—229. XVII.6.

¹⁴ Havlíková L. Op. cit.

¹⁵ MMFH. IV. P. 191.

¹⁶ Havlík L. E. Moravská společnost a stát v. 9. století. II: Moravský stát a jeho vládní organizace v 9. století // Slavia Antiqua. 1981/1982. T. 28. S. 85.

¹⁷ Заповѣди свѣтычъхъ отецъ // MMFH. IV. P. 137—147, 138.

«вз своен области и вз влкомз градѣ и странѣ» в Номоканоне¹⁸. В латинском переводе Леуноклавия для обозначения возвращения пленного на родину, т. е. в прежнее правовое гражданское положение, использован термин *postliminium*: «Qui in hostium manus venerunt, et inculpam fidem nostram christianam abnegarunt: postliminio, ad ecclesiam remittuntur»¹⁹. *Jus postliminii* является одним из положений древнего римского права, зафиксированным в Институциях Юстиниана (*Instit.* I.12, 5).

Рассмотрим далее закон о краже на войне (на воинѣ. — ЗСЛ. 24)²⁰. В Эклоге (XVII.10)²¹ он относится к краже в военном лагере или в походе (ἐν φοσάτῳ ἤτοι ἐν ἐξπείδῳ). Также и в латинском переводе Леуноклавия: «...in fossato siue in expeditione»²², во французском переводе Спульбера: «...au camp ou en campagne»²³, в русском переводе Е. Э. Липшица: «...в лагере или в походе»²⁴. Немецкий перевод Бургмана имеет только «im Feldlager»²⁵. В указанном законе приводится два объекта кражи: за похищение оружия (ὄπλα; оружие) вор наказывается поркой (τῶππέσθω; да тепеть са), за кражу коня (ἄλογον; коня) Эклога наказывает отсечением руки — хирокопией (χειροκοπέσθω), — ЗСЛ называет в качестве наказания продажу в рабство (да продаетъ с(а))²⁶. Говоря о смягчении наказаний в ЗСЛ по сравнению с Эклогой, некоторые авторы отмечают, что телесные наказания являются остатками обычного права²⁷. Славянские нормы находятся под влиянием западной латинской среды и римского права с его пенитенциальной практикой, в которой в ходу были в качестве наказания пост, наложение эпитимий (*epitimie*)²⁸.

Последний из рассматриваемых законов сообщает о разделе военной добычи — *περὶ διαμερισμοῦ σκύλων* (Е. XVIII.1), причем в ЗСЛ (3) говорится только о захваченном в ходе военных действий (о полонѣ)²⁹. Шестая часть добычи (τὸ ἕκτον μέρος; шестую часть) принадлежит князю (τῷ δημόσιῳ; князю), остальное должно быть разделено между людьми (τοὺς λαοὺς; людмз). Греческое ὁ δημόσιος обозначает в византийской среде фиск (*fiscus*) — государственную казну; в славянском переводе ему соответствует термин князь — лицо, являющееся высшим представителем государственной власти, распоряжающееся казной. Греческое ἄρχων, термин, которым в славянской среде могли обозначать целый ряд высокопоставленных лиц, ЗСЛ заменяет двумя обозначениями: жупанз и кзметз. Понятие «жупан», возникновение которого надо искать в китайском *šu-ban*³⁰, известно в форме *swbandž*, по данным Ибн Руста (*Kitābu l-'alāqi n-nāfīsati*), и обозначает управляющих провинциями (жупами). Этот термин встречается в самых различных формах: *zurpani*, *surpani* в хорватской и чешской

¹⁸ *Nomokanon* // *MMFH.* IV. P. 264. Tit. II; P. 313. Tit. XXXIII.

¹⁹ *Leuclavii Amelburni Juris graeco-romani tam canonici quam civili tomi duo.* Francofurti, 1596. T. II. P. 130; *Novotný F.* *Latinsko-český slovník.* Pr., 1958. S. 280.

²⁰ *MMFH.* IV. P. 192, 24.

²¹ Е. XVII.10.

²² Cf.: *Leuclavius.* *Juris.* P. 13.

²³ Cf.: *Spulberg C. A.* *L'Eclogue des Isauriens, Text, trad. histoire.* Cernautzi, 1929. P. 64.

²⁴ Эклога: *Византийский законодательный свод VIII века / Под ред. Е. Э. Липшица.* М., 1965. С. 69.

²⁵ Е. S. 229.

²⁶ *MMFH.* IV. P. 192, 185; *Procházka V.* *Deset poznámek.* S. 313—314.

²⁷ *Lopez R. S.* *Byzantine Law in Seventh Century and its Reception by the German's and Arabs* // *Byz.* 1942/1943. T. 16. P. 445 sq.

²⁸ *MMFH.* IV. P. 150—155; *Суворов Н. С.* К вопросу о западном влиянии на древнерусское право. Ярославль, 1983; *Schmid H. F.* *Pénitentiels.* P. 359—363.

²⁹ Е. XVIII.1. S. 244—245; *MMFH.* IV. P. 180, 3.

³⁰ *Malingoudis Ph.* *Die Institution des Župans als Problem der frühslavischen Geschichte. Einige Bemerkungen* // *Cyrrillomethodianum.* 1972/1973. T. II. S. 61—76. Ф. Малингудис считает, что термин «жупан» тюрко-татарского происхождения. Однако следует отметить, что в тюрко-татарской лексике этот термин заимствован из китайской или иранской среды. См.: *Poucha P.* *Avarská problematika* // *Studia Balkanica Bohemoslovaca.* Brno, 1970. S. 59—67. 1; cf.: *Procházka V.* *Župa a župan* // *Slavia Antiqua.* 1968. XV. S. 1—54.

среде, ioran Physso в Восточной марке (дарственная грамота графа Тассила III от 777 г монастырю Кремсмюнстера)³¹ и ζουπάνοι γέροντες в Сербии³². Этот термин существовал в Венгрии (išpan.). Судя по употреблению, со славянскими жупанами можно отождествлять и греческих архонтов, которые утвердились в Македонии к 1018 г.³³, а в Сербии — в первой трети X в. (DAI. Cap. 32)³⁴.

Термин «жупан» встречается и в Болгарии до сер. IX в., однако только в текстах надписей, написанных по-гречески: ζουπάνος, ζουπάνος μέγας, ὁ ζουπαν ταρχανος, τωρτρωνα (πηλε)ζουπαν)³⁵; около 943 г. в Добрудже кириллицей была написана надпись жупана Димитрия³⁶, хотя в письменных литературных памятниках, как в Моравии, так и в Чехии, этот термин не встречается. В Моравии должность жупанов существовала более продолжительное время (см.: Iuga supranorum, а. 1189), видимо до конца XVI в. Термином «жупан» ЗСЛ переводит также греч. ταβουλλάριος (ЗСЛ. 20; Е. XIV.9)³⁷. В отличие от термина жупанъ, который был широко распространен в славянской среде, термин кзмета встречается в IX в. только в Моравии и позднее, в XI в., появляется на Руси (Слово о полку Игореве. ПВЛ к 1075 и 1096 гг.), что, по всей вероятности, произошло под влиянием западнославянской великоморавской среды. Этот факт является одним из оснований, позволяющих предполагать, что ЗСЛ возник в моравской среде, где в XII в. (Iuga supranorum. 2) кметы считались представителями вицанатов. Здесь этот термин встречается еще в XIV в., хотя его значение меняется. Во-первых, он относится к представителям наиболее уважаемых аристократических семей страны (barones sive kmetones sive seniores Moraviae)³⁸, во-вторых, — к сельским представителям. Термин кзмета филологически связан с греческим κόμης, κόμητες и латинским comes, его необходимо отличать от греческого κομήτης, κομήται, что упустили из виду некоторые исследователи³⁹, которым обозначается представитель военно-административной и судебной власти, подчиненный жупанам⁴⁰. О военном характере их функций свидетельствует «Тактика» Льва VI⁴¹ в которой κόμητες поставлены за δρουγγάριοι, но перед πένταρχοι и δέκαρχοι. По «Глоссарию» К. Дюканжа⁴², этим термином обозначались сотники византийских фем и тагм. Судебные правомочия и функции сборщиков податей (tributum acciperent) были присущи должности сотников (sednici, satnici, centuriones) в хорватской среде⁴³. Византийского стратига (στρατηγός) ЗСЛ обозначает термином кожекода, который затем перешел обратно в греческий язык как βοέβοδος (DAI. Cap. 38), в румынский как voievod, в венгерский — как vajvoda, vajda.

В военных походах в качестве пешего войска, участвовал «весь люд» (πάντας τοὺς λαοὺς, κςτμζ μωδμζ), «великий и малый» (τὸν μέγαν καὶ τὸν μικρόν; келкаго и малаго), который также принимал участие в дележе военной добычи, получая 5/6. Особую награду имели заслуженные воины:

³¹ Fichtenau H. Die Urkunden Herzogs Tassilos III. und der «Stiefbrief» von Kremsmünster // MIOG. 1963. Bd. LXXI. S. 1—32, bes.: S. 31—32.

³² Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Greek text edited by G. Moravcsik. Engl. transl. by R. Jenkins. Budapest, 1949. Cap. 32 (Далее: DAI).

³³ Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / Rec. I. Thurn. B.; N. Y., 1973. II. 467.

³⁴ Душев С. За генезиса на феудализма в България. С., 1963. С. 132—133; Грачев В. II. Сербская государственность. М., 1974. С. 90 и след.; Havlík L. E. Morava v 9—10. století // Studie ČSAV. Pr., 1978. Č. 7. S. 68.

³⁵ Бешевлиев В. Първобългарски надписи. С., 1979. 63.3; 87, 3—4; 2; 53.6—7.

³⁶ История на България. С., 1981. Т. II. С. 372, 450.

³⁷ MMFH. IV. P. 191, 20; E. XIV.9.

³⁸ Brandl V. Glossarium illustrans bohemico-moravicae fontes. Brünn, 1876. P. 93—97; 251—253.

³⁹ Procházka V. Velká Morava a vývoj politické organizace u slovanských národů // Právnik. 1963. T. 102. S. 779; Idem. Le Zakonъ // BS. 1968. T. 29. P. 140, 149.

⁴⁰ Havlík L. E. Morava. S. 72.

⁴¹ Leonis imperatori Tactica sive de re militari liber // PG. T. 107. 1863. IV.6.

⁴² Du Cange C. Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. Lyon, 1688. T. I. P. 333.

⁴³ Havlík L. E. Morava. S. 72.

кзмети и простию людѣе. Термин кзмети здесь соответствует греческому *ἀρχοντες* Эклоги. Его нельзя переводить «кметищи», как это сделал М. Н. Тихомиров⁴⁴. Используемый им термин обозначает сельский люд и соответствует греческому *κομήτης, κομήται*. У термина простию людѣе в Эклоге нет эквивалента, он является специфическим термином славянской среды. Вопрос, однако, в том, можно ли переводить его как «простой воин» и искать к нему параллель в венгерском *paraszt*⁴⁵, а также в латинском *simplex populus*, отличаемом в великоморавской среде от сочестаний *populus terrae tuae* или *populus tuus* (*tuus* — т. е. Свягополка)⁴⁶. Нам представляется, что в случае употребления термина простию людѣе речь идет о всех людях; это «весь люд» в наиболее широком значении, те, кто во время войны был обязан участвовать в пешем войске, в отличие от профессиональных воинов, о которых сообщается в Номоканоне, подтверждающем таким образом, что термины *коинъз*, *коини* (*Syntag. L. tit. XXXIV*), *коиньстко* (*Index. L. tit. XIV; Syntag. L. tit. XIV*) были хорошо известны в великоморавской среде. Остается вопросом, однако, можно ли этих воинов Номоканона сравнивать с дружиной правителя. Особого внимания заслуживает термин «оброк». Большинство исследователей переводили его как жалование воинов⁴⁷, отчего текст становился несколько неясным. Исходя же из более широкого значения греческого термина *βόγος* (лат. *goga*), употребленного в Эклоге, можно предположить, новую его интерпретацию, сравнив значение этого термина прежде всего с византийскими *τέλος* и *φόρος*, под которыми подразумеваются самые различные формы податей, пошлин, налогов, сборов и др. Как и греческий термин *βόγος*, обозначающий сборы, взыскиваемые со свободных и с находящихся в зависимости от правителя жителей, его славянский эквивалент обозначал государственно-правовую ренту, которая уплачивалась жупанам. Они, по ЗСЛ, получали княжескую долю (кнажа часть) и прибавку оброка (ренты) с населения (*прибытказъ оброку людьскому*)⁴⁸. Термин «оброк» встречается также в Номоканоне Мефодия⁴⁹ и соответствует латинскому *tributum substantiae secularis* (*Epist. 109; MMFH. III*).

Сопоставление терминологии четырех военных законов из Эклоги и ЗСЛ не может окончательно разрешить все проблемы, связанные с кодификацией правовых норм в славянской (моравской) среде. Несмотря на то что процесс складывания правовых норм проходил, как понятно из ЗСЛ, в тесной связи с византийской правовой практикой, все же нельзя исключать влияния на него раннехристианского церковного права (*Lex Dei*) в его западноевропейской и византийской модификациях, римского права, церковной и светской пенитенциальной практики и некоторых элементов славянского (моравского) обычного права. В период формирования моравского раннефеодального средневекового государства и его международной политической и культурной деятельности необходимо было установить определенные правовые нормы, приспособленные к данной среде, ее специфиче и политико-организационной структуре, так, как это было осуществлено в «Законе судном людем». Этот правовой свод законов вместе с другими юридическими памятниками великоморавской среды, такими, как *номоканонъз* Мефодия, *Заповѣди сватыхъ отцъ* или же адхортации *кладыкамъ земля божие слово велит* в сочетании также и с литературными памятниками (например, *Житием* Константина и Мефодия), является ценным источником для исследования политической и социальной истории славянских государств и народностей.

⁴⁴ Закон судный людем краткой редакции / Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М., 1961. С. 105. Ст. 3.

⁴⁵ *Ratkoš P.* Počiatky feudalizmu na Slovensku // *Historický časopis*. 1954. Т. II. S. 273.

⁴⁶ *MMFH. III. Ep. 101; MMFH. IV. P. 179; Havlík L.* Morava. Š. 66—67; *Idem.* Moravská společnost stát. Т. II. S. 81—82.

⁴⁷ *MMFH. IV. P. 180.3; E. S. 245: Sold.*

⁴⁸ *Havlík L.* Morava. S. 75; *Idem.* Moravská společnost a stát. II. S. 91.

⁴⁹ *Номоканон* // *MMFH. IV. P. 269; Procházká V.* Le Zakonъ // *BS. 1968. T. 29. P. 129.*

Можно сделать вывод, что славянская терминология четырех рассматриваемых военных законов в ЗСЛ возникла как за счет использования терминологии местной среды, так и за счет переводов некоторых греческих терминов из Эклоги. Создатели терминов стремились как можно точнее передать реалии славянского мира, несмотря на то что содержание некоторых славянских терминов постепенно изменялось в зависимости от различий в самой славянской среде и от временных этапов развития общества и государства. Необходимо отметить также и то, что некоторые явления, существовавшие в моравском обществе и отразившиеся в обычном праве, имеют параллели во Франкской империи и в Англии, хотя здесь мы стремились в первую очередь провести сравнение с византийской средой. Задачей военных законов, как и всего сборника ЗСЛ, церковный характер которого обусловлен временем его возникновения — ранним средневековьем, было укрепить положение великоморавского господствующего класса и церкви. Но для создания этого законодательного свода требовалось достижение моравским обществом определенной ступени развития, зрелости, складывание внутри господствующего класса тех тенденций и предпосылок, которые в конце концов привели к тому, что в Моравию по просьбе Ростислава прибыла византийская миссия, возглавленная братьями Константином и Мефодием, и принесла с собой «добрыи законъ»⁵⁰.

⁵⁰ О терминах добрыи законъ (Vita Const. XIV), lex christiana (Responsa Nicolai parae. I), божии законъ (Vladykam zemle; Nomokanon Synagoga. L. tit. V), всьмаку правьда (Vita Meth. V). См.: ММФН. IV. P. 172—176; Ср.: Zástěrová B. Über zwei grossmährische Rechtsdenkmäler. S. 364—365, 375—378.